

КАЛЕНДАРНО-ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ *

В течение ряда лет коллектив Отдела народов Зарубежной Азии и Океании Института этнологии и антропологии РАН ведет работу по подготовке фундаментальных исследований, посвященных календарным обычаям и обрядам, праздникам годового цикла народов Зарубежной Азии. Уже опубликовано три коллективные монографии задуманной серии: «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год» (М., 1985), «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл» (М., 1989), «Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл» (М., 1993). С данной проблематикой связан и вышедший в 1993 г. сборник статей «Календарь в культуре народов мира» (М., 1993). В настоящее время ведется работа над коллективной монографией «Календарные обычаи и обряды народов Передней Азии. Годовой цикл», а также над книгой «Календарные обычаи и обряды народов Южной Азии. Годовой цикл». В 1994—1995 гг. исследования шли при финансовой поддержке: в 1994 г. — Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), в 1995 г. — Российского Гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Работа над проблематикой, связанной с изучением календарно-праздничной культуры народов Зарубежной Азии, является своеобразным откликом, продолжением серии коллективных монографий о календарных обычаях и обрядах народов Зарубежной Европы¹, подготовленной коллективом сотрудников нашего института под руководством С. А. Токарева. Необходимо отметить, что появление подобного сериала по народам Европы и Азии (как части большой темы «Календарные обычаи и обряды народов мира») не имеет аналогов в мировой науке. Конечно, его создание и осуществление стало возможным только при наличии в составе института специалистов по этнографии народов зарубежных стран.

Фундаментальные исследования о календарно-праздничной культуре народов мира открывают новые пути в развитии теории как этнографии, так и культурологии. Думается, что эта проблематика должна приобрести особую актуальность сегодня, когда мы являемся свидетелями страшных этнических, конфессиональных, расовых конфликтов (как у нас в стране, так и в других странах), в которые часто помимо их воли оказываются втянутыми сотни тысяч простых людей. Между тем народный праздник несет в себе огромный гуманистический настрой, он ориентирован на продолжение жизни, победу добра над злом. В этом контексте хочется обратить внимание на мысль, высказанную известным бразильским писателем Жоржи Амаду в 1989 г. в интервью корреспонденту журнала «Курьер ЮНЕСКО». На вопрос журналиста, что вселяет в него надежду на наступление такого времени, когда люди на земле перестанут враждовать друг с другом, а цвет кожи будет иметь не больше значения, чем, например, возраст, Жоржи Амаду ответил: «Карнавал. Все его участники — будь то белые, мулаты или чернокожие — сетующие порою на расовую дискриминацию, вместе веселятся и танцуют, а затем заключают браки»².

24—25 апреля 1995 г. в Москве в Институте этнологии и антропологии РАН прошла научно-практическая конференция «Календарно-праздничная культура народов Зарубежной Азии: традиции и инновации»**.

На конференции были заслушаны доклады, посвященные различным аспектам календарно-праздничной культуры народов Передней Азии. Проблемам генезиса и формам бытования скотоводческого праздника турков Сайа был посвящен доклад А. Э. Т е н и ш е в о й «Турецкий праздник Сайа». А. Э. Тенишева отметила, что этот праздник и во второй половине XX в. является одним из самых значительных и широко распространен среди сельского населения Турции. В докладе были рассмотрены основные компоненты праздника, символика обрядов, развлечения и игры. Автор придерживается мнения, что название праздника обозначает «благо», «благоденствие», «благоприятный». В результате длительных контактов турков с сельскохозяйственными народами Передней Азии этот пастушеский

* Статья написана при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект № 94-06-19212). Так как большинство докладчиков — сотрудники и аспиранты Института этнологии и антропологии и других институтов РАН, город не указан.

** Конференция проходила при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект № 94-06-19212).

праздник приобрел черты Праздника середины зимы, отмечаемого греками. Об этом свидетельствуют, например, обряды имитации брака, представления об умирающем и воскресающем божестве, а также представления о космическом противоборстве Зимы и Весны, инсценируемое в виде состязания между участниками праздничного действия. Проблемам соотношения традиций и инноваций в современной календарно-праздничной культуре курдов Передней Азии был посвящен доклад О. И. Ж и г а л и н о й. Автор уделила также внимание тем элементам праздничной обрядности курдов, в которых проявились культурные контакты с соседними народами. О. И. Жигалина особо подчеркнула, что праздники годового цикла, прежде всего Ноуруз, являются важнейшими компонентами этнического самосознания курдов. Традиционные праздники евреев, отмечаемые в месяце тишри, были проанализированы в докладе Е. Э. Н о с е н к о «Осенние праздники евреев и некоторые их особенности в общинах Передней Азии». На месяц тишри (по григорианскому календарю — сентябрь-октябрь) приходятся такие праздники, как Рош-га Шана (Новый год), Йом Кишпур (Судный день), Суккот (Праздник кущей), Симхат Тора (Радость Торы). Е. Э. Носенко остановилась на проблемах генезиса этих праздников, на их истории. При характеристике современного бытования праздников месяца тишри, автором были использованы и собственные полевые материалы, собранные во время поездки в Израиль. Большой интерес вызвали суждения Е. Э. Носенко о месте Нового года в праздничном годовом цикле евреев в древности.

Календарно-праздничной культуре арабов Передней Азии были посвящены доклады И. А. Амирьянц и аспиранта из Палестины Манасра Усмана Амира. И. А. А м и р ь я н ц в докладе «Рамадан — праздник кочевых арабов» остановилась на проблемах генезиса этого главного поста арабов, формах его проведения и значении этого праздника для мусульман. Докладчица особо подчеркнула роль духовного начала для верующих в характере проведения праздника-поста как выражения победы духа над плотью, как проявления самоотверженного служения Богу. Доклад У. А. М а н а с р а «Паломничество — большой праздник арабов: доисламские традиции» был связан с проблемами генезиса хаджа, его важнейшими составными частями. Автор убедительно показал, что многие этапы хаджа, а также само паломничество в Мекку восходят у арабов к древнейшим доисламским традициям. Анализ арабских источников позволил докладчику высказать мысль о том, что в доисламское время паломничество в Мекку помимо религиозных имело и экономические причины (торговля, устройство базаров, установление и укрепление контактов с соседними племенами). У. А. Манасра обратил внимание на такие компоненты и этапы хаджа в Мекку, как жертвоприношения, стрижка волос, малый хадж (умра) и бег между холмами Сафа и Марва (саи), обход Каабы, надевание ихрама. Автором были показаны доисламские истоки этих важнейших обрядов. В докладе Б.-Р. Л о г а ш о в о й «Праздник Омаркошан у персов» было показано, что в древнем зороастрийском календаре персов месяцы года представлялись в виде прекрасных юношей, имена которых совпадали с наименованиями месяцев. В известной мере эта особенность восприятия месяцев года сохранилась у персов и после распространения ислама. Возможно, древняя традиция своеобразной персонификации месяцев года в период средневековья проявлялась у персов в том, что названия некоторых праздников включали в себя антропонимы. Таков и праздник Омаркошан («Сожжение Омара»), который приходится на 9-ый день 3-го лунного месяца (раби-аль-авваль) по мусульманскому календарю. Б.-Р. Логашова в своем докладе отметила, что хотя этот праздник под влиянием ислама был «историзован», а центральными его обрядами стали изготовление и сожжение чучела Омара (Омар — второй халиф, погибший в 644 г., в народных преданиях считается одним из виновников гибели Хасана и Хусейна, а также всех несчастий, которые постигли род Алидов), в основе праздника лежат более древние культы, связанные со сменой времен года, с молениями о богатом урожае и приплоде скота. В докладе был детально рассмотрен сценарий праздника: изготовление и сожжение чучела Омара, представление комическо-сатирической народной драмы, разнообразные развлечения. Праздник Омаркошан в XIX — начале XX в. широко отмечался во многих районах Ирана, а также на Кавказе (например, у азербайджанцев). Весенней календарной обрядности народов Передне-среднеазиатского региона был посвящен доклад Н. П. Л о б а ч е в о й «Последняя среда месяца сафара». Н. П. Лобачева отметила, что в основу ее доклада положены неопубликованные полевые материалы, собранные в 1940—50-е годы у узбеков Хорезма. У ряда народов Средней Азии (таджиков, узбеков, туркмен), а также в Иране и Азербайджане существует обычай жечь костры и прыгать через них в последнюю среду месяца сафара (название 2-го лунного месяца мусульманского календаря). По мнению автора, этот обряд есть не что иное, как реликт древнего Праздника огня, связанного с весенним циклом календарной обрядности земледельческих народов Передне-среднеазиатского региона, в частности с празднованием Ноуруза. В процессе исламизации и последующих идеологических воздействий Праздник огня утратил связь с аграрным календарем и самостоятельный статус. Последнее выразилось в том, что к середине XX в. устроителями

этого действия стали дети, подростки и женщины. Утратилась и вера в магическую силу огней сафара, а само действие воспринималось как игровое начало, как форма развлечения.

Проблемам источниковедения и историографии календарно-праздничной культуры народов Передней Азии в отечественной науке был посвящен доклад Р. Ш. Джарылгасиновой «Из истории изучения календарных обычаев и обрядов, праздников годового цикла народов Передней Азии в отечественной историографии». Докладчиком было отмечено, что первая работа, посвященная истории этнографического изучения народов Передней Азии в русской и советской науке, принадлежит В. Н. Кислякову. В докладе было показано, что отечественное этнографическое востоковедение обладает разнообразными источниками для изучения календарно-праздничной культуры народов этого региона (это, например, и полевые этнографические и археологические материалы, и данные письменных источников, а также иконография, музейные собрания, свидетельства путешественников). Р. Ш. Джарылгасинова особо выделила вклад русских ученых-востоковедов XIX — начала XX вв. (А. П. Берже, И. П. Березина, В. А. Жуковского, В. В. Бартольда), а также труды А. А. Ромаскевича, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского, Е. Э. Бертельса; работы Н. А. Кислякова, С. М. Марр, Ю. Н. Марра, А. З. Розенфельд, О. Л. Вильчевского; исследования ученых 60—90 гг. (например, В. П. Курылева, Т. Ф. Аристовой, Д. Е. Еремеева, М. Б. Руденко). Ценные материалы, посвященные календарным обычаям и обрядам народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, могут быть почерпнуты из работ советских этнографов, а также из публикаций материалов и трудов сотрудников археологических экспедиций, в первую очередь Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, которой многие десятилетия руководил С. П. Толстов. В то же время в докладе было отмечено, что календарные обычаи и обряды, праздники годового цикла народов Передней Азии в течение ряда десятилетий (30-е — начало 60-х годов XX в.) почти не изучались, что в первую очередь было связано с утверждением в нашей стране атеистической идеологии. В настоящее время создаются условия для более углубленного и всестороннего изучения данной проблематики.

Некоторые аспекты календарно-праздничной культуры народов Индии были освещены в выступлениях Н. Р. Гусевой, И. М. Семашко, А. Н. Седловской, Л. И. Миссоновой. В докладе Н. Р. Гусевой «Праздник Карва Чаутх в свете проблемы этногенеза западных хиндустанцев» было показано, что праздник Карва Чаутх (досл. «Четвертый кувшин», «Четвертая ночь», «Четвертое деяние (любви)», отмечаемый в области Матхура во время полнолуния месяца каттак (по григорианскому календарю это октябрь — ноябрь), посвящен богу Кришне. Как показала Н. Р. Гусева, это прежде всего женский праздник: женщины поклоняются Луне как божеству мужского рода. Во время праздника совершаются обряды жертвоприношения Луне, «кормление» изображений Луны. Главная идея праздника — укрепление семейных уз, охрана женой жизни своего супруга. В некоторых обрядах праздника Карва Чаутх Н. Р. Гусева прослеживает следы древних этногенетических контактов западных хиндустанцев.

Одному из самых любимых и популярных праздников Индии — празднику Дивали посвятила свой доклад И. М. Семашко «Дивали — Праздник огней (по полевым материалам) (Индия)». И. М. Семашко отметила, что Праздник огней приходится на время смены двух природных и сельскохозяйственных сезонов, время, когда крестьяне собрали первый урожай и начинают подготовку к новой вспашке земли для новых посевов (по григорианскому календарю это октябрь-ноябрь). В народном сознании происхождение праздника увязывается с мифическими героями Рамой и Кришной. В ночь полнолуния во всех домах, около домов, на улицах зажигаются многочисленные светильники. Особенно торжественно этот праздник отмечают представители торговых слоев, земледельцы, ремесленники. Во многих храмах читаются книги о Кришне. Обычно праздник продолжается три дня. Исследованию праздника народа ория посвятила свой доклад А. Н. Седловская «Праздник Джаяганнатха у народа ория (Индия)». В докладе раскрыто содержание праздника. Джаяганнатха — это храмовый праздник, который проводится в г. Пури (штат Орисса) в июне-июле (по григорианскому календарю). Во время праздника из храма вывозят огромные колесницы, на которых помещаются главные святыни храма — деревянные скульптуры божеств. При прохождении колесниц по улицам города наиболее фанатично настроенные верующие нередко бросаются под их колеса. По мнению А. Н. Седловской, праздник Джаяганнатха, возможно, восходит к рисоводческим культам древнейшего населения штата Орисса. Именно поэтому в некоторых его обрядах сохранились представления о когда-то бытовавших человеческих жертвоприношениях на рисовых полях. Об одном из важнейших календарных праздников населения штата Керала (Южная Индия) рассказала в своем докладе Л. И. Миссонова «Календарный праздник Онам в штате Керала (Южная Индия): истоки и современность». Л. И. Миссонова подчеркнула, что одна из функций календарных праздников — это удовлетворение потребности в подтверждении, почитании и уважении ценностей того или иного общества. Праздники часто связаны с так называемым общим

благом, с принципом организации коллективной жизни, представленной в виде общей идеи. Это можно наблюдать и на примере праздника Онам. Большая часть населения штата считает Онам праздником Нового года. Он отмечается как самый большой национальный праздник, в котором объединяются ныне все касты и религиозные общины штата, так как, по преданию, легендарный повелитель Кералы — Бали проповедовал равенство людей. Время новолуния, на которое приходится празднование Онама, считается временем поминовения усопших. Историческое и социальное значение этого праздника очень велико. Вероятно, в эпоху распространения арьев на юге Индии брахманы утверждали здесь свою власть и обращали в свою веру местные народы, при этом местные жрецы становились членами варны брахманов. До наших дней среди населения штата Керала большой популярностью пользуется легенда об арийском брахмане-воине Парасураме, зафиксированная в памятниках эпической и мифологической литературы древней Индии. По мнению автора, празднование Онама служит как бы постоянным напоминанием, что высшая каста народа малаяли имеет прямую связь с арийскими брахманами.

Большой интерес вызвали доклады о календарных обычаях и обрядах, праздниках годового цикла народов Юго-Восточной Азии. А. Н. Лескинен в докладе «Проблемы типологии календарных праздников ветов» отметила, что в настоящее время среди календарных праздников вьетнамцев большую роль играют как государственные праздники, так и местные, региональные, храмовые праздники, праздники одной деревни, одной общины. Важнейшим праздником ветов был посвящен доклад Бекунь Нга (Вьетнам) «Традиционные праздники (ле хой) у ветов». Бекунь Нга проанализировала четыре праздника: Ден Хунг, Фу Зай, Ле хой Лим, Тьа Хьонг. Автор показала древние аграрные истоки праздников, которые проводятся весной, в первые месяцы лунного календаря. Во время праздника Ден Хунг главным является поклонение предкам — мифическим (легендарным) правителям Хунгам. Посещение храма Хунгов приходится на 8-й — 11-й дни 3-го лунного месяца. В 3-м лунном месяце отмечается праздник Фу Зай, центральным обрядом которого являются моления Матери Лиену. В полнолуние 1-го лунного месяца (одна из важнейших дат новогоднего торжества) большие народные развлеченья и праздник Ле хой Лим проводятся в деревне Лим (провинция Хабок). Как отметила Бекунь Нга, одной из особенностей этого праздника является исполнение народных песен жанра куан хо. Исполнители (это в основном жители деревни Лим) составляют две группы: певцов и певиц. Песни поются в форме диалога, их исполняют в домах, а также на холмах и в лодках (на воде). Праздник Тьа Хьонг, отмечаемый по григорианскому календарю в январе-феврале, связан с посещением буддийского храма в провинции Хатай. Приходящие в храм люди молятся о ниспослании потомства. Бекунь Нга отметила, что эти древние по происхождению праздники бытуют и широко отмечаются ветами и сегодня. В докладе О. В. Егорунина «Календарно-праздничная культура народа кхму (Лаос)» было рассказано о календарных обычаях и обрядах, праздниках годового цикла одного из сельскохозяйственных народов Лаоса. О. В. Егоруни подчеркнул, что аграрный цикл, связанный с выращиванием риса, играет определяющую роль в жизни и культуре народа кхму. Просматривается четкий календарь обычаев и обрядов, праздников годового цикла; среди последних — Сери пронг, Сен сынг, Канг раме Рмын. Докладчик особо обратил внимание на обычай народа кхму выбирать Мать — хранительницу риса, в роли которой выступает наиболее уважаемая женщина селения, общины. Во время праздников молодежь обычно обходит дома с исполнением коляд. Проблема взаимодействия древних аграрных культов с мировыми религиями была затронута в докладе В. Н. Шинкарева «Понятие „заслуг“ в календарной обрядности лаху-ньи (Таиланд)». Докладчик отметил, что в календаре народа лаху-ньи, проживающего в Таиланде (около 40 тыс. чел.) и занимающегося подсечно-огневым земледелием, большую роль играют дни новолуния и полнолуния. Эти дни имеют специальные названия *ши ньи* (буквально «дни заслуг») и являются днями «социально навязанного отдыха религиозных празднеств». С важнейшими событиями сельскохозяйственного года связаны так называемые «большие дни заслуг» (*ши ньи лон*). Как отметил докладчик, многое в праздновании «дней заслуг» восходит к представлениям соседей лаху — тайских народов, живущих в долинах и придерживающихся буддизма направления Тхеравада. Одной из причин сближения календарных обычаев народа лаху с буддийскими представлениями, по мнению В. Н. Шинкарева, является наличие в буддийских концепциях добуддийских элементов. Особо был подчеркнут факт появления у морфемы бо(н), связанной по происхождению с буддийской концепцией «заслуги», значения «благодать», отсутствующего в буддизме.

В докладе И. Ж. Кожановской «Роль вождя в календарных праздниках народов Полинезии» предпринята попытка обрисовать особенности календарной обрядности народов Полинезии и выявить роль в ней вождей в зависимости от степени сложности социальной организации того или иного островного общества. Сравнимая традиционные сезонные торжества на крупных архипелагах и мелких островах Внешней Полинезии, автор приходит к выводу, что, несмотря на большое разнообразие

ритуальной жизни (от серии простейших культовых церемоний на о. Тикопиа до четырехмесячных торжеств на Гавайях), хорошо различимы некоторые неперенные элементы календарных празднеств: принесение вождю первых плодов нового урожая и иных даров; перераспределение собранных продуктов — в виде общего пиршества (включая ключевую для Западной Полинезии церемонию питья кавы); общение с богами и предками; завершающие праздник — пение и танцы. Любой из перечисленных элементов календарных торжеств как бы «замкнут» на вождя, и его фигура является центральной в полном соответствии с той ролью фокуса общинной жизни, какую наследственные вожди играют в Полинезии. Во время праздников эта общинная жизнь, безусловно, достигает своей кульминации.

История формирования популярного поныне в Японии культа Семи богов счастья — Ситифукудзин, а также некоторые особенности народной песенной лирики, сопровождающей обряды и праздники, связанные с этим культом, рассматривались в докладе А. Р. Садоковой «„Семь богов счастья“ в народной поэзии японцев». Было отмечено, что в новогодней обрядности японцев культ Ситифукудзин занимает особое место, поскольку обращение к семи божествам, олицетворяющим собой богатство, удачу, здоровье, продвижение по службе и т. д., до сих пор считается весьма действенным магическим актом для получения достатка в Новом году. С течением времени в японском фольклоре сложился особый песенный цикл, включающий песни, посвященные как отдельным божествам, так и повествующие о деяниях всех богов вместе. Наиболее популярны песни, связанные с богами Дайкоку и Эбису, а также богиней Бэнтэн, образы которых восходят, по всей видимости, к древним мифологическим персонажам. В докладе Н. Л. Жуковой «Монгольская обрядовая игра в „белую палочку“» шла речь о монгольском варианте игры, которая известна ряду народов Евразии (бурятам, тувинцам, туркменам, гагаузам и др.). В нее играют в середине — конце лета в лунную ночь в степи команды молодежи с равным числом участников мужского и женского пола. Ведущий забрасывает в темноту палочку, а команды соревнуются, кто быстрее ее найдет. При этом участники разделяются на пары и игра приобретает любовный характер. Есть основания рассматривать игру: 1) как пережиток группового брака; 2) считать ее обрядом-имитацией воспроизводящей силы природы на стыке сезонов; 3) магическим обрядом, спасающим скот от отравления ядовитыми травами.

С большим интересом были заслушаны также доклады, посвященные народам Евразии, в целом (не связанные регионально с Зарубежной Азией) типологически близкие проблемам конференции.

Новогодние торжества алтайцев охарактеризовала в докладе «Новогодний праздник алтайцев: традиции и инновации» С. П. Тютенева. Было отмечено, что к началу XX в. у алтайцев бытовало три локальных варианта встречи Нового года. По представлениям алтайцев, Новый год наступает в марте по григорианскому календарю. Согласно полевым материалам автора, наступление Нового года может приходиться на период от первого дня третьего лунного месяца до «дня белого полнолуния» (15-й день третьего лунного месяца). Бытующие названия праздников, ритуальные действия, которые проводятся в праздничные дни, а также их внешняя атрибутика позволяют наметить стабильную принадлежность праздничных компонентов. Главным критерием для подобного рода классификаций является новизна тех или иных элементов праздника. Наиболее архичным считается Праздник развязывания мяса. Праздник Чагаа («Белый творожный праздник»), название которого созвучно наименованию *Шагаа* у тувинцев, *Цагаан сар* у монголов, *Сагалган* у бурят, наводит на мысль о восприятии алтайцами у монгол и названия, и основных компонентов Белого творожного праздника. Новогодний праздник, известный как Праздник конца года, по мнению С. П. Тютеневой, возможно, представляет собой алтайский вариант русской Масленицы. Символика магических обрядов, исполняемых во время якутского праздника Ысыах, была раскрыта в докладе Е. Н. Романовой (Якутск) «Ритуальные гадания на празднике Ысыах». Наиболее детально Е. Н. Романовой были охарактеризованы гадания народа саха с огнем; определение судьбы в обряде подбрасывания вверх жертвенной ложки (*эбир хамыйах*); в обрядах, которые должны были «способствовать» рождению детей, счастью и благополучию рода. Доклад Н. И. Новиковой «Мансийский Новый год: мировоззрение и календарь» был посвящен проблеме соотношения представлений о времени и новогоднем празднике в культуре сибирского народа манси — как у самих представителей народа манси, так и у европейских исследователей, занимающихся их изучением. Выдвигается гипотеза о том, что для манси более важным были не счет времени, а его вечная наполненность, а также представление о цикличности времени. В связи с этим важной вехой выступает не начало или конец года, а его середина. В докладе высказывалось предположение о том, что роль новогоднего праздника в празднично-обрядовой деятельности манси играли два праздника: весенний — Вороний день и осенний — Большие жертвоприношения. Н. С. Попов (Йошкар-Ола) в докладе «Изгнание зла в народных календарных праздниках марийцев» особо остановился на обрядах (произведение шума, изгнание волков, моральное осуждение), присущих многим календарным

праздникам мариЙцев и имеющих своей целью изгнание злого начала. Доклад Н. С. Попова был построен на полевых этнографических материалах автора. В докладе С. И. Рыжак о в о й «Латышские календарные праздники как „приходящие“ / „уходящие“ гости» был проанализирован один из образцов латышских традиционных представлений, связанных с календарно-праздничной культурой. Это представление о празднике как о «госте», чьи посещения крестьянской усадьбы носят сезонный характер. Было отмечено, что данный образ проявляется в мифологических и фольклорных латышских текстах, во всем обрядово-ритуальном комплексе, а также в бытовых представлениях и поверьях и в этимологии имен божественных персонажей. Указывалось на универсальность такого аспекта, в частности на наличие сходного мотива в праздничной культуре японцев.

В представленных на конференции докладах прослеживаются связь календарных обычаев и обрядов, праздников годового цикла с традиционными истоками, а также их судьбы в наши дни. Еще раз была продемонстрирована многофункциональность календарных обычаев и обрядов, их непреходящая, жизнеутверждающая роль в системе духовных ценностей народов мира. Наверное, надо особо подчеркнуть, что наиболее значимые идеи народных праздников входят в этническое самосознание. Как неоднократно отмечали исследователи³, традиционные календарные праздники играют огромную этноконсолидирующую, этноохранительную роль в жизни народов. Благодаря своему оптимистическому началу они помогают выстоять этносу в целом и его отдельным представителям в тяжелые времена, в экстремальных условиях. Пронзительный по своей трагичности документ, подтверждающий эту мысль, содержится в мемуарах Н. И. Гаген-Торн, где она описывает, как женщины разных национальностей и вероисповеданий в лагерях отмечали тайком свои национальные, религиозные праздники⁴.

В заключение позволю себе напомнить, что в дневниковых записях Н. И. Вавилова, которые он вел в период научной работы в Афганистане в 20-х годах, есть заметка о том, что даже в самых трудных условиях его интерес «к полю» и «к зерну» открывал ему сердца людей других стран⁵. А ведь это понятия одного таксономического уровня: «поле», «труд», «календарный обряд», «праздник» — и они неотрывны от понятий «жизнь», «человеческий род», «человек».

Примечания

¹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники. М., 1973; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

² Амаду Ж. Там, где смешались народы и культуры (интервью) // Курьер ЮНЕСКО. 1989, сентябрь.

³ Например: Жигульский К. Праздник и культура. Праздники новые и старые. Размышления социолога. М., 1985. С. 166—171; Хан М. М. Этнорегиональные особенности ценностных ориентаций личности. Алматы, 1993. С. 20—21.

⁴ Гаген-Торн Н. И. Memoria. М., 1994. С. 247—248.

⁵ Вавилов Н. И., Букин Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929. С. 124—125.

Р. Ш. Джарылгасинова